

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ФРГ В ЗЕРКАЛЕ ТРАДИЦИЙ И НОВАЦИЙ ПОЗНАНИЯ ПРОШЛОГО

Столь популярная сегодня в мировой гуманитарной мысли идея выявления и формулировки антропологических составляющих исследования прошлого получила широкий отклик в научном сообществе Германии. Развернувшееся здесь с конца 1960-х гг. обсуждение предложенных проектов «новой гуманитарности» конкретизировало многие их положения, а также обусловило основные линии и перспективы развития историописания. Исходя из этого в работе исследованы методологические дискуссии в исторической науке ФРГ, обозначившие направления ревизии или ренессанса её отдельных положений, показано противоборство новых и старых моделей познания при проверке пределов и потенциала антропологизации истории. На их фоне очерчены рамки и содержание понятия исторической антропологии, уточнён её концептуальный аппарат, с которым связывались надежды как на достижение новых рубежей в познании, так и на обновление всей системы ценностей.

Оформление нового образца толкования «движения мира во времени» происходило на фоне многообразных междисциплинарных контактов, обусловленных *внутренней* ситуацией в современной системе гуманитарных наук в целом. Здесь следует сказать о трех связанных друг с другом тенденциях, которые объединила в себе историческая антропология.

Во-первых, это сближение теоретико-методологических арсеналов истории и социологии, направленное на поиски «номотетически ориентированной исторической науки» и «идиографически исполненной социологии». Концептам антропологизации истории отводилась при этом посредническая роль между «понимающими» и «объясняющими» науками, между описанием и обобщением, между моделями индивидуализации и генерализации [1. С. 343].

Во-вторых, историческая антропология отразила в себе тенденцию к интеграции частных наук, изучающих человека, культуру и общество. Так, Вольф Лепениес относил к предпосылкам её развития как историзацию сугубо антропологических дисциплин (например, биологии, наук о жизни и поведении), так и растущий интерес к человеку со стороны истории и других общественных наук (экономики, политологии и т.д.) [2. С. 158]. Следовательно, речь шла о двух встречных процессах – об историзации и социологизации антропологии и об антропологизации наук об обществе.

Признавая всю плодотворность междисциплинарного партнерства, историки ФРГ между тем оговаривали, что историческая антропология не должна стать результатом простого смешения различных дисциплин. По их единодушному признанию, её исследовательская перспектива – это изучение центрального вопроса человековедения и обществоведения – вопроса о взаимозависимости личности и обстоятельств, в которых она действует [2. С. 152; 3. С. 7]. Только в этом случае историческая антропология будет способна выступить, по замыслу немецких учёных, своеобразной точкой интеграции социальных изысканий, т.е. предоставит в дальнейшем возможность создания комплексной картины прошлого. Показательна в этой связи характеристика В. Лепениесом «антропологизации истории» как *важнейшей* составной части междисциплинарных контактов, отражающей саму их сущность [2. С. 126].

Становление исторической антропологии в ФРГ вызвало естественное стремление учёных проследить предысторию взаимоотношений составляющих её дисциплин, тем более что само понятие «историческая антро-

пология» содержало в себе некий парадокс [4. С. 141–165]. Он был связан с тем, что ещё недавно науки о человеке упрекали в их неисторичности, а историю (хотя и в меньшей степени) – в недостаточном внимании к антропологическим компонентам бытия. В ходе предпринятого в 1970-е гг. «беспристрастного ретроспективного анализа» как развития антропологии в Германии, так и немецкой традиции изучения всеобщей истории было показано постепенное, объективно обусловленное размытие границ между ними, ставшее предпосылкой и фундаментом их сближения [2. С. 127–131].

Всё сказанное обусловило динамику модификации немецкой науки в эти годы. Конечно, антропологические проблемы разрабатывались здесь задолго до того, как было выдвинуто требование учреждения исторической антропологии. Причём первые заявления о необходимости таковой исходили из самых разных источников и имели различную силу воздействия на ход её формирования. В качестве одной из основных точек роста можно назвать культурную (или социальную) антропологию.

К примеру, Вильгельм Е. Мюльман обратил внимание учёных на антропологические аспекты национально-освободительных движений в странах третьего мира времён их завоевания [5, 29]. Анализируя их ранние формы, он попытался, с одной стороны, провести параллели между ними и религиозными войнами в Европе. Кроме того, автор трактовал такие движения, как «коллективные действия», мотивы которых были связаны с разрушением идентичности и групповых самоощущений. Именно под натиском превосходящей чужой культуры, ущемляющей национальные чувства коренного населения, на его взгляд, множились (как ответ на это) революционные установки и идеи. Тем самым В.Е. Мюльман связывал национально-освободительные движения в Латинской Америке не столько с изменением социальных условий и, преимущественно, с ростом угнетения. Он усматривал в них демонстрацию аборигенами *собственной* культурной ценности, их желание сохранить или оживить утраченные традиции. Подобный опыт видения минувших событий глазами «участвующего в них человека» как носителя культуры, бесспорно, не мог не привлечь внимание историков, ищущих новые ориентиры освоения прошлого.

Ещё одной отправной точкой формирования исторической антропологии в ФРГ стала этнография. Конечно, уже привычные толкования «высокой» и народной культуры имели самое непосредственное отношение к моделям антропологизации истории. Неразрывно связанные

с ними и испытывавшие взлет в 1980-е гг., они обладали вместе с тем и собственными традициями, и своей программой, ориентированной на выявление «этнологических следов» прошлого силами этнографии. Надо сказать, что эту дисциплину социальная история в Германии открыла совершенно по-новому, после того как попыталась отойти от макроисторических конструктов. Этнография в ФРГ также претерпела значительные изменения. На протяжении 1970-х гг. она попыталась освободиться от своих устаревших подходов и постепенно влилась в русло европейской этнологии (как эмпирической дисциплины, изучающей общие закономерности развития человеческой культуры), до сегодняшнего дня не потерявшей своего значения для историко-антропологических изысканий. Более того, вопрос о точной дефиниции, методах и постановках вопросов антропологического исследования дискутировался в те годы не только историками. Сами представители антропологии или этнологии [6. С. 126–128] не пришли на этот счёт к единой позиции, так как наряду с влиятельной и доминирующей, начиная с Клиффорда Гирца, *cultural anthropology*, разброс других векторов толкования располагался между структурализмом Клода Леви-Стросса и неозволюционными подходами американских «культурных экологов».

Учитывая это, в качестве наиболее существенных признаков антропологического подхода в немецкой науке были обозначены «полевое исследование» и «участвующее наблюдение» с их «плотным описанием» социального положения дел в рамках культурного контекста. Написанные в 1980-е гг. работы по народной культуре К.-С. Крэмера, Х. Мозера, Р. Брауна и Г. Баузингера [7, 8] несли в себе результаты этих изменений и были прочитаны историками ФРГ под новым углом зрения. Пытаясь ответить на *этнологический вызов*, обозначенный в 1960-е гг. благодаря трудам К. Леви-Стросса [9], они подчёркивали очевидные достижения данного способа видения. Это, в первую очередь, стремление выйти за пределы европоцентристской модели исторического процесса, желание преодолеть линейную хронологию событийной этнографии, а также сопоставить многообразие форм человеческих деяний в глобальном масштабе. Не менее интересными представлялись историкам попытки связать воедино накопленные этнографией полевые наблюдения с толкованиями логики мышления представителей *иной культуры* [10].

Бессспорно, этнология предлагала живой, конкретный образ чужой культуры, поскольку в отличие от других гуманитарных наук, отдаленных от объекта своего изучения, она обладала возможностью наблюдать непосредственно «*живое целое*». Её потенциал постижения целостного человека в единстве его социальных, психологических и биологических свойств был, в условиях поиска новых стратегий изучения прошлого, как актуальным, так и весьма поучительным. Успехи этнологии не только оказывали стимулирующее воздействие на историков, но и, в определенной степени, задавали масштабы их антропологически ориентированных штудий. Изучение «живого целого» в настоящем становилось стимулом для обращения к аналогичной проблематике в прошлом. Новыми объектами анализа традиционных культур стали системы родства, обычаи, ритуалы, манеры поведе-

ния и привычки, связи с природой и т.д. Не оставались вне поля зрения и методологические дискуссии в этнологии, указавшие на трудности достижения достоверного знания средствами «участвующего наблюдения» и его последующей интерпретации. Вместе с тем были подняты проблемы отношения наблюдателя и наблюдаемого в процессе познания чужой культуры, что также ставило на повестку дня множество вопросов [11. С. 19–21].

В силу сказанного этнологический вызов предопределил не только творческие импульсы становления исторической антропологии в ФРГ, но и в значительной степени очертил контуры и ориентиры её концептуального пространства. Показательна в поисках нового прочтения прошлого, например, книга Рудольфа Брауна «Индустриализация и жизнь народа» [12]. Во введении к ней автор говорил о том, что при помощи целевых установок этнографии можно решить достаточно сложные вопросы. Скажем, допустимо узнать, как изменялся стиль жизни людей в тех случаях, когда их существование практически целиком было поставлено в зависимость от перемен в экономическом развитии. Это представлялось вероятным, – подчеркивал учёный, – поскольку такие изменения ярко проявлялись в народной культуре. Собственно эту задачу и стремился решить Р. Браун в своем исследовании, раскрывая рождение новой народной культуры на фоне индустриализации сельского хозяйства конца XVIII столетия. Для последующих антропологических постановок вопроса был важен его опыт понять этот процесс как из духа времени, так и из повседневных условий жизни людей в этот период. Иначе говоря, притязания исторической антропологии на преодоление дуализма человека и общества были не только неявно обозначены Р. Брауном, но и частично претворены им в жизнь.

Что касается собственно исторической науки, то, несомненно, интерес к познанию человека присущ ей *изначально* и в той или иной мере реализуется в любом исследовании. Более того, немецкие учёные нашли уже в её недрах такие постановки вопросов, которые ставили в центр внимания проблему взаимоотношений человека с окружающим миром. Оформление предмета исторической антропологии в нынешнем его понимании они уводили своими корнями в эпоху Просвещения с её осознанием историчности человека и его духа. В качестве важнейшего пункта на пути формирования исторической антропологии единодушно назывались построения Вильгельма Дильтея. Ведь именно он впервые в немецкой традиции предпринял попытку разрешения дихотомии человека как природной и социальной сущности, выступившей теперь приоритетным объектом анализа [13. С. 145–148].

Ретроспективный взгляд на механизмы трансформации исторической мысли в Германии привел исследователей к выводу о том, что ею накоплен немалый опыт в сфере изучения различных форм жизни, установок и стереотипов поведения людей. Однако они вынуждены были признать, что по сравнению с другими странами в немецкой науке историко-антропологические вопросы оставались на её окраинах и не определяли её сущности. Одним словом, подходы к интерпретации проблемы «слитности» человека и общества зачастую являлись по-

бочным результатом размышлений о движении мира во времени. Причём наиболее близко к её разрешению подошли, в представлении германских учёных, те авторы и школы, которые ориентировались на концепции культурной, универсальной, а с 1960-х гг. и социальной истории. Поэтому анализ антропологических традиций в объяснении прошлого переплетался в историографии ФРГ с полемикой вокруг нормативных основ и особенностей исторической мысли Германии вообще. Большое внимание уделялось при этом в 1970–1980-е гг. характеристике процессов формирования немецкого историзма и его видоизменения [14]. Характеристика основных форм историописания, представленных как классиками историзма, так и его реформаторами, сопровождалась анализом предложенных ими толкований проблемы соотношений человека и обстоятельств, в которых он жил. С точки зрения самих немецких учёных, столь необходимое подведение итогов опыта интерпретации этой проблемы в исторической науке было направлено на обобщение уже достигнутых результатов в её понимании. Это делалось для того, чтобы, *наследуя их*, избежать как повторения когда-то сделанных ошибок, так и возвращения к уже известным определениям.

Наряду с осмыслением антропологических традиций в собственной науке немецкие историки проявили не меньший интерес к обобщению усилий в этой области зарубежных учёных. Анализу деятельности важнейших институтов, которые вели работы по изучению антропологических сегментов истории, посвятил, например, свою статью Рольф Шпрандель [15. С. 121–142]. Он подробно прокомментировал публикации общества Жана Бодина, которое было основано в 1935 г. в Брюсселе и по своей направленности близко к школе «Анналов», а также журнала «Сравнительные исследования общества и истории», который издавался с 1958 г. в Чикаго. В. Лепениес дополнил этот список трудами американской «Ассоциации прикладного психоанализа», а также «Журналом междисциплинарной истории», созданным в США в 1970 г. [2. С. 155–156]. В качестве важных вех в развитии исторической антропологии были отмечены некоторые известные работы зарубежных авторов. Особенно широко цитировались в эти годы книги Н. Элиаса и Я. Х. ван ден Берга, посвященные исторической психологии и изменениям человека в «процессе цивилизации» [16, 17].

По единодушному признанию учёных ФРГ, наибольший вклад в разработку историко-антропологических вопросов внесла *французская школа «Анналов»* [18]. По их мнению, становление исторической антропологии в Германии немислимо как без влияния этой школы, так и без дискуссии с её представителями. Вследствие этого изучением опыта школы «Анналов» в немецкой историографии 1960–1980-х гг. занимались очень активно [19]. Наиболее привлекательной для историков оказалась её отчетливая направленность на объяснение человека в единстве его индивидуальных и пространственно-временных характеристик. Именно поэтому, писал Ханс-Зюссмут, сугубо антропологические интересы школы «Анналов» не исключали анализа социального контекста деятельности человека, в силу чего её антропологические исследования можно рассматривать одновременно и как исследования социальные [3. С. 11].

Не касаясь здесь специально характеристики школы «Анналов», отметим, что её представители действительно претендовали на обновление исторической науки в самой её основе. Они отказались от классической истории великих мужей, а также от традиционных, словами немецких авторов, «историй через черточку» (история хозяйства, городов, дипломатии и т.д.), которые раскладывали общественный континуум на отдельные сегменты. Искомой стала целостная картина мира, где переплетены все области бытия и деятельности человека, а также их материальные, природные и духовные предпосылки. Речь шла об *«исторической гуманитарной науке»*, которая объединяла в «глобальной истории» сферы познания социологов и историков, этнологов и географов, психологов и медиков, лингвистов и антропологов.

Серьезное внимание немецких аналитиков было обращено также на эволюцию модернистских взглядов французских учёных [1. С. 325–343]. На протяжении четверти века, как известно, она ориентировалась в своих революционных замыслах преимущественно на образцы социальной историографии. Положение изменилось к концу 1960-х гг., когда, осознав трудности в создании целостной картины прошлого на пути сциентизации, молодое поколение академического сообщества обратилось к истории ментальностей (исторической антропологии) под новым углом зрения. П. Шоню характеризовал её как «историю на третьем уровне», подчеркивая тем самым *промежуточное* положение ментальных установок между объективной реальностью и субъективной деятельностью человека. Более того, обращение к анализу этого познавательного пространства воспринималось как «второе рождение «новой исторической науки». Словами Ж. Ле Гоффа, ментальность стала *противоядием* от негативного опыта социальной истории, нацеленной на постижение систем и структур [20. С. 85–136].

Как раз *история ментальностей* на протяжении 1970–1980-х гг. превратилась в одну из самых популярных парадигм новой, антропологически ориентированной историографии ФРГ [21. С. 234]. По признанию её приверженцев, ценность данного образца исследования проявлялась прежде всего тогда, когда он привлекался для разрешения комплексных проблем бытия, предлагая ориентиры к объяснению социального процесса в целом. История ментальностей стремилась соизмерить объективную реальность, деятельность людей и их «психологическую конституцию». И надо признать, что в нашей науке нет такой области, где её знания не могли бы использоваться. Нарастание процессов гуманизации историописания вылилось в антропоцентристские толкования, целью которых являлось не просто описание и объяснение деятельности людей, а проникновение в суть тех процессов, благодаря которым они становятся актерами истории. С этим неразрывно связывалась необходимость решения вопроса о том, каким образом человек, осмысливая окружающую реальность и действуя в ней, включался в происходящие события и участвовал в их изменении. Как раз такими проблемами и занималась история ментальностей, нацеленная на углубление знаний о поведении человека в обществе. Поэтому она была поставлена в 1970-е гг., как многократно отмечалось немецкими учёными [1. С. 331], в центр исторической ан-

тропологии ФРГ, поскольку объяснение деятельности людей немислимо без изучения её мотивов. Более того, история ментальных структур располагалась ими в том пункте, где *пересекаются* постановки вопросов самых различных дисциплин, изучающих человека и общество. На их взгляд, появившиеся в эти годы в Германии авангардные версии интерпретации прошлого так или иначе включали в себя тематику и исследовательские процедуры истории ментальностей. По образному выражению У. Раульфа, она функционировала по типу «совместного предприятия» [22. С. 9] и принимала участие в истории детства, истории вдовства и других многочисленных направлениях человековедения, вовлекая их в свою орбиту.

Вместе с тем аналитиками осознавалось, насколько тонкая и трудноуловимая материя – менталитет. Даже самые тщательные попытки систематизировать его определения, предпринятые в немецкой историографии [19. С. 11–30], ещё раз продемонстрировали препятствия на этом пути познания. Дело в том, что с самого начала история ментальностей охватывала довольно широкую область. Она располагалась между практической деятельностью людей в рамках определенной культуры и их знаниями о мире как виде исторической априорности. С нечеткостью и текучестью предмета истории ментальностей связано многократно отмеченное и подвергнутое критике отсутствие её теории. Известно, что представители школы «Анналов» решительно от неё отказывались, как от силы, парализующей и убивающей фантазию исследователя [23. С. 56]. Тем не менее немецкие учёные не желали утешиться словами Ж. Ле Гоффа, что притягательная сила истории мировидения как раз и покоится на её неопределенности. Даже если это соответствует действительности, подчеркивали они, всё равно нужно обозначить методы, границы, возможности и перспективы данной дисциплины. Необходимость этого связывалась ими не столько с формальными признаками, сколько с теми глобальными задачами, которые намеревалась решить история ментальностей. И прежде всего с её стремлением не столько раскрыть *prima causa*, сколько показать поле истории как *сеть взаимоотношений* между всеми уровнями существования общества. Иначе говоря, дать характеристику менталитетов как той «матрицы, которая направляет чувства, а следовательно, и поведение людей в том или ином направлении» [22. С. 10].

Предложенные школой «Анналов» познавательные стратегии получили высокую оценку немецких учёных. По словам Гангольфа Хюбингера, она предоставила исторической науке инструментарий для того, чтобы раскрыть место и значение коллективного сознания в социальных поступках и политическом поведении [24. С. 19]. Более того, историки ФРГ сделали вывод, что именно ментальные структуры могут стать «*синтезирующим*» предметом исторической антропологии, ориентированной на объяснение субъект-объектной корреляции «движения мира». Михаэль Эрбе писал по этому поводу, что исследователи миропонимания поставили перед собой задачу ответить на вопрос, чем мотивированы те или иные поступки людей, опираясь на какие сознательные или бессознательные стереотипы поведения человек избирает ту или иную форму действия. При этом, на его взгляд, особенно важно внимание французских учёных

не столько к форме, в которой выражались манеры поведения человека в обществе, сколько к *смыслу*, который находил в них выражение и раскрывал глубинные мотивы его мыслей, чувств и поступков [2. С. 135–136; 25. С. 21–24].

Между тем, изучая опыт французской историографии, учёные Германии исходили из того, что то высокое место, которое занимает школа «Анналов» на международной арене, основано не столько на её попытках создания «новой истории», изменяющей познавательные принципы историзма XIX в., сколько на превосходных и убедительных достижениях в области эмпирических изысканий [26. С. 78]. Поэтому при осмыслении опыта школы «Анналов» сторонники исторической антропологии в 1970–1980-е гг. ориентировались, прежде всего, на анализ проблематики этой школы, описывали круг вопросов, которыми она интересовалась, зачастую просто подробно излагали содержание работ французских авторов. По выражению Х. Зюссмута, изучение трудов представителей школы «Анналов», которые всегда занимались вопросами основополагающей антропологической важности, должно было позволить им открыть и обозначить контуры этого поля познания для того, чтобы продолжить его разработку [3. С. 15].

Под этим углом зрения нельзя не согласиться с утверждением аналитиков, что история ментальностей дала творческий импульс и задала масштабы удивительному разнообразию интерпретаций. Их палитра простирается от классических историй «процессов цивилизации» человечества до трудов интеллектуальной истории, от исследований менталитета малых социальных групп до попыток уловить специфический дух времени целой эпохи. Между этими полюсами лежит большое количество работ о народной культуре и набожности, о том, что долгое время называлось «историей нравов» и о том, что с недавнего времени называется «социальной историей идей». Не вызывает сомнения и то, что история ментальностей имеет давние традиции внутри исторической науки Германии. Она начиналась уже там, где выдвигалась идея, что определенным обществам, политическим структурам и экономическим формам соответствуют определенные мироощущения людей. В силу этого без труда можно очертить специфическую область познания «субъективного смысла» поведения человека с собственными постановками вопросов и логикой рассуждений. При всех оговорках об удаленности классической немецкой историографии от анализа ментальных структур, остававшихся в тени традиционных образцов толкования прошлого [2. С. 157], она была обозначена здесь именами Я. Буркхардта, К. Лампрехта, В. Дильтея и др. Обращение к изучению «ментальной материи общества» отнюдь не означало появления нового предмета изысканий. Речь шла о новом осмыслении «*психологических тайн поведения*» в свете изменившихся интересов историописания, связанных с поисками его новой, более совершенной парадигмы.

Продолжая работу в этом направлении, немецкая историография, тщательно проанализировав уже имеющийся опыт «историко-антропологических постановок вопросов школой Анналов» [25. С. 19–31], пришла к следующим заключениям. Ею была очерчена основная группа

проблем, являющихся предметом исследования ментальной матрицы общества. Это, прежде всего, различные сегменты бытия человека и межличностные отношения, которые интерпретировались на уровне событий повседневной жизни: рождение, детство, старость и смерть, манеры и стереотипы поведения, брак и семья, работа и праздники, реакции на различные экономические и политические изменения.

Немецкие историки отметили также, насколько широки и разнообразны постановки антропологических проблем. Они включали в себя, по их признанию, не только весь спектр интерпретаций человека в обществе, но и тесно примыкали к традиционной антропологии во всей пестроте её вариантов: истории нравов, истории питания, антропометрии, этнологии, истории различных болезней и т.д. Всё это многообразие тем и проблем учёные Германии без труда уложили в широкий поток толкований миропонимания или способов мышления и чувствования, которые присущи различным общностям людей в те или иные исторические периоды. Изучение человеческого поведения – от привычного до спонтанного, от неосознанного до осмысленного, а также всех производных сознания, которые проявляли себя в социальном пространстве, – именно данную традицию истории ментальностей продолжала историческая антропология.

Необходимо отметить наряду с этим, что значительный вклад в становление исторической антропологии в ФРГ внесла полемика с теми теоретическими проектами человекознания, которые были разработаны *за пределами* исторической науки. Это концепции философской антропологии и социологии, психоанализа и лингвистики, причем во всем многообразии их вариантов в мировой науке. Иными словами, влияние построений М. Вебера, Э. Эриксона, М. Фуко и П. Бурдьё на новые формулировки и новое понимание социальных процессов было и остается весьма значительным.

Отметим, например, запоздалый, но неуклонно растущий интерес мировой науки к концепции «цивилизационного процесса» социолога Норберта Элиаса, «второе рождение» и «открытие» книги которого произошло в Германии в 1968 г. [16]. Учёный предлагал многоплановую «модель взаимосвязей между долговременными изменениями индивидуальных структур человека, с одной стороны, и тех конфигураций, которые образуют люди по отношению друг к другу – с другой» [16. С. 4; 27. С. 181–198]. Формирование «хороших манер» в западно-европейском аристократическом обществе конца Средневековья и начала Нового времени рассматривалось им как часть процесса цивилизации (и дисциплинирования), сопровождавшегося усилением механизмов самоконтроля и изменением порога смущения и стыдливости образованных слоев общества.

В свою очередь, эти перемены связывались автором с социально-политическими процессами той эпохи и прежде всего – со становлением абсолютистских государств в Европе. При объяснении вопросов общественного контроля и наказания Н. Элиас стремился увидеть модификация повседневных обычаев поведения человека как социальный процесс его «цивилизации», пробуждая тем самым серьезный интерес к реконструкции быденной жизни. Именно она, в его представлении, долж-

на была встать в центре анализа изменений форм человеческого бытия.

Как видим, для Н. Элиаса не существовало никаких антропологических констант, ибо «привычки» не связывались им лишь с сущностью человека, а являлись продуктами общественных взаимосвязей. Неслучайно поэтому его труд, как многократно отмечено аналитиками, сыграл важную роль в кристаллизации нарастающего недовольства господством «обезличенных» аналитических категорий [28. С. 80]. Более того, он показал одновременно пути их возможного пересмотра. Н. Элиас предлагал рассматривать социальное в категориях индивидуальной и групповой взаимозависимости. Он использовал понятие «конфигурации» для обозначения всего многообразия связей, которые составляли матрицу социального универсума и постоянно изменялись его субъектами. Поэтому знакомство с его рассуждениями, как и многих других авторов, безусловно, сказалось на становлении историко-антропологического течения в Германии. Стремление к самообоснованию такового вылилось в предельное расширение сферы *диалогического* общения, вобравшей в себя исследовательскую энергию множества подходов к изучению прошлого. Оно намеревалось связать определенные научные знания, показать «лакуны» и ориентиры и побудить учёных к новым изысканиям по новым правилам.

Итак, что касается вопросов о предмете исторической антропологии, а также её содержания и исследовательских процедур, то наиболее предпочтительной стала как можно более гибкая и открытая её характеристика, основные положения которой сводились к следующему. Главное отличие исторической антропологии от других дисциплин, изучающих человека в прошлом (таких как историческая демография, история семьи, возраста и т.д.), виделась в её более общем по сравнению с ними характере. Если последние рассматривались как описательные дисциплины, то историческая антропология должна была взять на себя задачи *объяснения* антропологических параметров реальности. Словами Отто Кёлера, её цель – трактовка деятельности человека как «фактора, формирующего историю», поскольку именно многообразие форм овладения людьми окружающим их миром определяет многообразие форм общества [13. С. 246].

Для решения этой задачи историческая антропология, несомненно, была обязана подниматься на более высокий уровень абстракции, чем традиционная историография. В то же время, по признанию немецких учёных, в отличие от философской антропологии она не стремилась к формулировке каких-либо констант, характерных для всех обществ. Она направляла свои усилия на постижение того, что *конкретно* включало в себя бытие людей в различные исторические эпохи. При этом историческая антропология намеревалась проследить механизмы динамики жизнедеятельности людей во времени и пространстве, т.е. не только показать её изменения в конкретно-историческом исполнении, но и объяснить их логику. Такой подход позволял учёным ФРГ говорить о промежуточном положении исторической антропологии между моделями индивидуализации и генерализации, а также между «понимающими» и «объясняющими» науками о человеке в социуме. Она должна, писал О. Кёлер,

как герменевтическая наука усваивать поступки и представления людей в их собственном смысле, но одновременно и как аналитическая наука интерпретировать их по законам причинности [13. С. 143].

Историческая антропология была поставлена её представителями не в ряд с другими науками, изучающими человека, культуру и общество, а *над* ними. Немецкие авторы не приравнивали её ни к этнологии, ни к истории поведения или к истории духа. Именно эти последние в своей совокупности, на их взгляд, прокладывают путь к исторической антропологии, создают тот багаж знаний о человеке и обществе, который она намерена переработать. По-

этому антропоцентристские изыскания рассматривались как попытка подняться на *новую ступеньку* исторического познания, где изучение различных процессов и событий неотделимо от анализа их движущих сил, где политические, социальные и культурные структуры рассматриваются как объективации человеческих мыслей и поступков. Предметом изучения исторической антропологии было провозглашено социально обусловленное и изменяющееся человеческое поведение в его индивидуальных и коллективных формах, увиденное сквозь призму «нерасчетливости» личности и общества [3. С. 9, 13]. Историком предстояло распутать те нити, которые их связывали.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lepenies W. Geschichte und Anthropologie. Zur wissenschaftshistorischen Einschätzung eines aktuellen Disziplinenkontakts // Geschichte und Gesellschaft. 1975. Jg. 1. H. 2/3.
2. Lepenies W. Probleme einer Historischen Anthropologie // Historische Sozialwissenschaft / Hrsg. von R. Rütup. Göttingen, 1977.
3. Süssmuth H. Geschichte und Anthropologie. Wege zur Erforschung des Menschen // Historische Anthropologie. Der Mensch in der Geschichte / Hrsg. von H. Süssmuth. Göttingen, 1984.
4. Widerspenstigkeit von «Geschichte» und «Anthropologie» in einer «Historischen Anthropologie» // Saeculum. Jahrbuch für Universalgeschichte. Jg. 25. 1974. H. 2/3. S. 141–165.
5. Mühlmann W.E. Chiliasmus und Nativismus. 2. Aufl. Freiburg, 1964.
6. Пфеффер Г. Антропология в ФРГ: возможности выбора // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 126–128.
7. Moser H. Volksbräuche im geschichtlichen Wandel. Ergebnisse aus fünfzigjahren volkskundlicher Quellenforschung. München, 1985.
8. Bausinger H. Traditionelle Welten. Kontinuität und Wandel in der Volkskultur // Historische Zeitschrift. Bd. 241. 1985. S. 265–286.
9. Леу-Спросс К. Структурная антропология. М., 1985.
10. Kohl K.H. Ethnologie – die Wissenschaft vom kulturellen Fremden. Eine Einführung. München, 1993.
11. Медушевская О.М. Историческая антропология как феномен гуманитарного знания: перспективы развития // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации / Отв. ред. О.М. Медушевская. М., 1998.
12. Braun R. Industrialisierung und Volksleben. Veränderung der Lebensformen unter Einwirkung der verlagsindustriellen Heimarbeit in einem ländlichen Industriegebiet vor 1800. Erlebach, 1960.
13. Versuch einer «Historischen Anthropologie» // Saeculum. Jahrbuch für Universalgeschichte. 1974. Jg. 25. H. 2/3. S. 145–148.
14. Von der Aufklärung zum Historismus. Zum Strukturwandel des historischen Denkens / Hrsg. von H.W. Blanke und J.Rüsen. Paderborn, 1984.
15. Sprandel R. Historische Anthropologie. Zugänge zum Forschungsstand // Saeculum. Jahrbuch für Universalgeschichte. 1976. Jg. 27. H. 2. S. 121–142.
16. Elias N. Über den Prozess der Zivilisation. Bd. 1–2. Frankfurt a. M., 1968.
17. Berg J.H. von den. Metabletica. Über die Wandlung des Menschen. Grundlinien einer historischen Psychologie. Göttingen, 1960.
18. Alles Gewordene hat Geschichte. Die Schule der Annales in ihren Texten 1929–1992 / Hrsg. von M. Middell, S. Sammler. Leipzig, 1994.
19. Riecks A. Französische Sozial- und Mentalitätsgeschichte. Ein Forschungsbericht. Altenberge, 1989.
20. Schottler P. Mentalitäten, Ideologien, Diskurse. Zur sozialgeschichtlichen Thematisierung der «dritten Ebene» // Alltagsgeschichte. Zur Rekonstruktion historischer Erfahrungen und Lebensweisen / Hrsg. von A. Lüdtker. Frankfurt a. M., 1989. S. 85–136.
21. Reichardt R. Für eine Konzeptualisierung der Mentalitätshistorie // Sozialer und kultureller Wandel in der ländlichen Welt des 18. Jahrhunderts. Wolfenbüttel, 1982.
22. Mentalitäten-Geschichte. Zur historischen Rekonstruktion geistiger Prozesse / Hrsg. von U. Raulff. Berlin, 1987.
23. Iggers G. Die Tradition der Annales in Frankreich. Geschichte als integrale Humanwissenschaft // Ders. Neue Geschichtswissenschaft. München, 1978.
24. Hübinge G. Neuere Tendenzen der Geschichtstheorie in der Bundesrepublik Deutschland // Jahrbuch der historischen Forschung in der Bundesrepublik Deutschland. Berichtsjahr 1985. München etc., 1986.
25. Erbe M. Historisch-anthropologische Fragestellungen der Annales-Schule // Historische Anthropologie. Der Mensch in der Geschichte / Hrsg. von H. Süssmuth. Göttingen, 1984.
26. Erdmann K.D. Stuttgart und der Neohistorismus // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1986. H. 2.
27. Броер Ш. Исход цивилизации: Элиас и современность // Международный журнал социальных наук. М., 1991. № 1. С. 181–198.
28. Ревель Ж. История и социальные науки во Франции. На примере эволюции школы «Анналов» // Новая и новейшая история. 1998. № 6.
29. Мюльман В. С.М. Широкогоров. Некролог // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 144–155.

Статья представлена кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «История» 17 ноября 2003 г.